

Л.Н. Арбачакова, С.П. Рожнова

РУСИЗМЫ В ШОРСКИХ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТАХ

Лексическое взаимопроникновение – закономерный процесс двусторонних этнолингвистических контактов, которые сложились между шорцами и русскими вследствие особых социально-исторических условий.

Существование разных языковых систем в одном географическом регионе неизбежно ведет к билингвизму: то есть способности членов межэтнического сообщества переключаться во время речевого общения с родного языка на неродной, что характерно для национально-русского типа двуязычия в Сибири.

При одностороннем доминировании во всех сферах жизни русского языка именно он стал использоваться коренным населением для коммуникативных связей, для освоения новых реалий и понятий.

В результате длительного прямого заимствования русизмы вошли в бытовую речь, закрепились в языковом сознании, начали проникать в устную народную культуру шорцев. Это подтверждают фольклорные тексты, записанные с 1995 по 2007 гг. от современных шорских исполнителей для издания тома «Фольклор шорцев» в серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» (рукопись тома находится в редподготовке).

Образцы фольклорных жанров, включенных в том (героическое сказание, сказки, мифы, легенды, предания, заклинания, шаманское песнопение, песни и плачи), – это подлинные записи, соответствующие устной речевой природе исполнения с сохранением их лексических, фонетических и синтаксических особенностей. Информантами были не только знатоки фольклора – их уже почти не осталось, но и те, кто слышал и мог рассказать запомнившиеся произведения. Отбирались художественно полноценные тексты.

Наблюдения показали, что характер изложения рассказчиком того или иного произведения зависит не только от его памяти, таланта, но и от самого жанра. Так, героические сказания *алыптыг ныбак* – наиболее древний фольклорный жанр, характеризующийся традиционностью и устойчивостью. При его исполнении сказители не отходили от принятых канонов, так как в случае ошибок или оговорок духи *кая*, считали они, могли строго их наказать. В рукописи тома «Фольклор шорцев» есть рассказ с подобным сюжетом: *кайчи* поплатился жизнью за то, что неправильно назвал имя богатыря.

*Анаң көргени қара кижі киркелтир.
– Сен, Қай Чывашқа, ол Өкүс Оолақна
Мөкүс Оолақтың пир чердің
нандылырыбыстың – тептир. – Анаң
артын мен сени қылба шабарға кирдим, –
тептир. – Қылба шабыссам үш күнүн
пажында өлериң, – тептир.*

*Потом видит: черный человек вошел.
– Ты, Кай Чывашка, в «Окус Олаке
и Мокус Олаке» в одном месте
ошибся, – сказал. – Поэтому я тебя
вожжами ударить пришел, – сказал.
– После того, как вожжами ударю,
через три дня ты умрешь! – сказал.
[Кай Чывашка]³³*

³³ Здесь и далее в квадратных скобках после примеров даются ссылки на текст рукописи тома «Фольклор шорцев».

В героическом сказании «Ак Кан» в исполнении современного кайчи В.Е. Таннагашева русские заимствования встречаются редко, и только в шорской огласовке: *põtölöke* (потолок), *карманга* (карман), *столдың* (стол).

Надо заметить, что слово *устол* / стол давно вошло в фольклорный язык. Его можно найти в текстах, опубликованных Н.П. Дыренковой [Шорский фольклор, 1940] и А.И. Чудояковым [Шорские героические сказания, 1998], а также в фольклорных материалах рукописи «Фольклор шорцев»: *Ам пылар вот столга кел* / Теперь *вот*³⁴ когда эти *к столу* подошли [Канза Пег]; *Усталде толдура аш-табақ үгүлпартыр* / На *столу* полно питья-еды наставлено [Охотник Панюгеш]. Шорское наименование стола – *терги* – в речи рассказчиков не встречается.

Самый распространенный жанр несказочной прозы *пурунгу чооктар* (букв.: ‘древние, старинные рассказы’), а также сказки исполнялись В.Е. Таннагашевым, как и другими информантами, в свободной манере и насыщены русизмами.

Русские слова омонимически и семантически вписались в шорский контекст, пополнив состав его лексических средств. Многие из них адаптировались в новом языке соответственно его фонетико-грамматическим правилам: русский корень + шорские аффиксы падежа, числа, принадлежности; фонемная переогласовка. Так, в тексте «Охотник Панюгеш» архаичный русизм «заплот» несколько раз употреблен сказочником в разных грамматических формах: *саплоттарың, саплотқа, саплотке*.

Так же встраиваются в речь сказителей и другие русские существительные: *Канюшныйга кирибисти* / *В конюшню* они вбежали; *замоқта ады шапкел* / *замок* взломали; *айдаңна гороқ чайылтарды* / везде *горох* рассыпался [О сыне старика]; *анда парата* / там *ворота* [Канза Пег]; *Самоварым қайнапча* / *самовар мой* кипит.

Русские глаголы в шорском языке переоформляются по исконной модели составных глаголов: инфинитив + вспомогательный глагол *этча*:

Карча нанганда, кижилер удивляться этчатырлар / Когда назад вернулся, люди *удивляются* [Хозяйка горы и охотник]; *адазы-парий қыс палазы ... командовать этче* / прекрасная девушка ... *командует*; *Эмде мешать эдерим* / Дома *мешать* буду [Канза Пег].

Вместе с тем встречается и неадаптированная русская глагольная форма: *ылардың пала получился* / у них ребенок *получился* [Рожденный от медведя Ай Кулак].

Прилагательные могут быть образованы от русских существительных и грамматически видоизменяться. Например, в предании Канза Пег: *оно крес абазы ол полча* / так *крестным* отцом он становится; *Адын ноога крезинге паглапсалды, – тедир, – церкванаң* / Коня своего привяжи к *кресту*, – сказал, – *церковному*.

Русские прилагательные, причастия, местоимения не согласуются с определяемыми словами в числе и падеже, что свойственно шорскому языку: *всякий полча* / *по-всякому* себя ведет [Женщина и медведь]; *иирде готовый полар* / вечером *готово* будет; *ноо, рыжый қыс палазы киртир* / *ну, рыжая* девушка вошла; *ол апшый тезаң согнутый одурча* / тот старик *согнувшись* сидел [Охотник и шаман].

Несочетаемость морфологических систем в случаях подчинения русских глаголов и прилагательных грамматико-синтаксической норме шорского

³⁴ В примерах данной статьи заимствования показаны подчеркиванием.

словоупотребления ведет к интерференции – нарушению нормативности обоих языков.

Без шорской огласовки и аффиксации вошли в фольклорные тексты русские терминологические обозначения: купец первой гильдии, *архирей* / архирей, сельсовет, наводнение, срок, метр.

Ийги метр алтында қузуқ кӱйген / На два метра вниз кедр горел [Пожар, потоп]; *Үш ле кӱн мага срок перди* / Три только дня мне сроку дал [Кай Чывашка]; *ол наводнение сооның* / После того наводнения [Потоп]; *Архирей кептиг кан полтур.* / В одежде архирея шаман был, оказывается [Шаманы].

Вместе с предметами, пришедшими извне, транслитерировались из русского в шорский язык те слова и понятия, которых не было в родном языке – общеупотребительная лексика, не требовавшая строгой речевой нормативности. В фольклорных текстах часто встречаются вариативные формы русских слов: *анбар* – *анмар* – *албыр* (амбар); *тверыг* – *тверег* – *тыбрак* (творог); *сӱртӱк* – *сюртук* (сюртук).

У некоторых аналогичных шорских реалий имелись в языке собственные названия. К примеру: рабочий (*иштечи*), сумка (*нанда*), бочка (*шапчат*), петух (*танақ*), но семантическое содержание привнесенных слов не всегда оказывалось адекватным уже имеющимся, да и сами они в иноязычной речевой среде приобретали дополнительный смысл. Так, русизм «целковый» трансформировался в «салковый» – рубль, «казак» стал синонимом слова «русский». Это первые заимствования со времени прихода казачьих войск в Сибирь. Лексема «казак» используется сказителями в качестве существительного и прилагательного, а в словосочетаниях определяет «русскую» принадлежность предмета: *қазақ арага* / русская арага (вино); *қазақ тобар* / русская материя; *қазақтар пери четкеннер оиқаиш* / русские, похоже, сюда не дошли; *қазақ солдаттары по кел шықтылар* / эти русские солдаты поднялись [Канза Пег].

Практически во всех текстах встречается русское слово хозяин (*қочайын*), которое приобрело в языке шорцев новое понятийное значение. В народном мировосприятии *ээзи* (хозяин) означал духа местности, покровителя дома, очага.

В фольклоре и в быту шорцев начала XX века русизм *хозяин* определяет скупщика, торговца, богача. Зачастую в шорских сказках подобный персонаж играет отрицательную роль алчного обманщика, которого следует опасаться: *По қочайын абазы-оолды сыга сӱрӱбӱсти* / Этот хозяин отца и парня прогнал [О сыне старика]; *Ам пайлап пардым, қочайын полуппаргам* / Теперь разбогател и хозяином сделался [Охотник Панюгеш].

В преданиях это слово уже употребляется в бытовом значении – хозяин дома: *Анаң хозяинга айттыр* / Потом хозяину сказала [О шаманах]. В заклинании, произнесенном современной исполнительницей, оно даже заменило исконное *ээзи* – духа-хозяина в том жанре, где это формульный термин: *Кебеге хозяин эмни қадарзын* / Пусть хозяин печки дом охраняет [Мать огня, имеющая тридцать сухожилий].

Так как язык фольклора складывается на основе обыденной речи, говоров, диалектизмов, индивидуальной манеры произношения, первоначальные формы заимствования и их национальная принадлежность постепенно размываются.

В шорских текстах, записанных в последнее время, русизмы настолько ассимилировались, что некоторыми носителями языка уже не воспринимаются как чужие: *педре* (ведро), *парата* (ворота), *тубан* (туман), *тавно* (давно), *скабреге* (сковорода), *небелер* (мебель, вещь), *можса* (вожжи), *қаролчүк*

(караульщик, это слово находим даже в шаманском тексте), *пес* (все), *пор* (вор), *кирлес* (крыльцо).

Слово *пор* может встречаться в текстах в разных вариантах, причем его синонимическое значение стало более многообразным: безобразник, плут, обманщик. В легенде «Хозяйка горы и охотник» рассказчица употребила его в значении «хитрый». В сказке «Какпырын–старик» находим: *ол пор Муқалай / этот негодяй Николай*. Его словарное значение – хулиган.

В шорском языке у русизма *пор* есть национальный адекват *чулгуш* (вор), но именно это русское понятие закрепилось в речевом обороте и дало новое словообразование. Шорский словарь фиксирует лексему *поракий* (воробей), в основе которой сохранена русская народная этимология: воробей (вора+бей) – *поракий* (*пора+кий*; *кий*, *қый* – ‘режь’).

Пришедшее в шорский из русского *кõшке* – кот, *кõшкечек* – котик, кошечка (по-шорски кот – *пызрақ*) вошло в фольклор: *кõшкеле õтчең қоолақ қазып сала пердилер / чтобы коту пролезть дыру прорыли [Охотник Панюгеш]; Панюгеш паштап кõшкечекти сыйбап / Панюгеш погладил котика, приласкал [Охотник Панюгеш]*. По форме и семантике русского слова в речи зафиксирован шорский вариант: *машке*, *машкечек*.

Займствуются в фольклорные тексты и просторечия, воспринятые из русскоязычной среды: *стряпка*, *чёсанка-катанка* (валенки), *чё-то не то, ничё, нормально*, и даже русские фразеологизмы: *в чем дело?*; *аж глаза вытаращили*, – причем этот оборот включен в текст предания о шаманах, слово же караульщик (*қоролчук*) встречается в шаманском камлании.

Очень разнообразна орфоэпика русских имен: *Мукалай / Николай; Қойла, Ойла / Коля, Оля [Коля и Оля]; Панюгеш / Ванюша, Панке / Ванька, Панючек / Ванечка [Охотник Панюгеш]; Кастинка Палыч, Костинька Палыч / Константин Павлович; Метрей / Дмитрий; Паслей / Василий [Канза Пег]; Педор / Федор [Шаманы]*.

Иногда в процессе сказывания происходит взаимозамещение шорских и русских слов, исполнители одно и то же слово могут произнести по-русски и по-шорски: *сал, кõпчег / плот, ковчег, алып / богатырь, тооза / всё*.

Употребление шорских и русских словосочетаний в речи сказителя может играть роль стилистического повтора:

Келбен қалғанда, анаң ичези проқляла, қарғантыр на / Когда тот не пришел, мать проқляла, проқляла ведь [Паук].

Настоящий богатырь полар, – тедир, – по алып тугбалдың / Настоящий богатырь будет, – сказал, – это алына ты родила [Канза Пег]; По черде ровно тус полтур / эта земля ровной, ровной была) [Пожар, потоп].

Русские союзы, предлоги, частицы, междометия, модальные слова (*и, а, но, однако, как так, значит, прямо, тоже, ну, вот, еще, опять, потом*) почти автоматически вторгаются в речь сказителя. Они подчеркивают изустную природу фольклорного текста, помогают заполнить паузу, эмоционально отреагировать на события, но уже по-иному речевому канону, который побуждает информанта переходить к формулированию по-русски целых синтаксических конструкций:

Вот пир қыс / вот одна девушка; А ол чоқ кижи / А у того бедного человека; ну ладно, рабочийлер шықкел / ну ладно, рабочие вышли; как так ээде? / как так получилось?; оолағашка уже где-то сегис чаи / мальчику уже где-то восемь лет.

А қызы вот өлче, ... но ниче сделать не может / А дочь вот умирает ... но ничё [он] сделать не может [Шаманы].

Мага нельзя, – теп айттыр. – Если я возьму, то сила теряется. / Мне нельзя, – сказала. – Если я возьму, то сила теряется [Шаманы].

В сознании билингвов оба языка не изолированы друг от друга, они вступают между собой во взаимодействие на системном уровне. Двуязычие позволяет исполнителям фольклора переключаться с одного словесного кода на другой, что создает характерный для стиля современных фольклорных текстов лексико-синтаксический симбиоз. В результате нарушается сочетаемость слов в предложении, их соответствие смысловым требованиям контекста.

Современному шорцу, погруженному в речевое пространство русского языка, трудно воспринимать народную культуру, поскольку и шорские, и русские слова фольклорного контекста подвергаются интерференции – искажению. Такое шорско-русское смешение делает порой повествование «закрытым», недоступным для восприятия. В этом же причина разрушения национально-художественных стереотипов, замены их просторечными формами.

О влиянии билингвизма на сохранность фольклорных текстов можно судить, обратившись к анализу богатырской сказки «Кара Меке», которая включена в раздел «Дополнения» тома «Фольклор шорцев». Она явно показывает обеднение эпической фольклорной традиции.

Сюжет этой сказки передан рассказчицей сбивчиво, нарушена последовательность событий, не прояснена мотивировка поступков персонажей, их взаимоотношения. Сохранились лишь фрагменты эпической формульности, которая не соответствует речевой обыденности сказывания. Проникновение в текст русизмов прослеживается по всем параметрам, которые были уже отмечены. Встречаются переогласованные на фонемном уровне заимствованные русские существительные (*педир* / ведро, *тубан* / туман, *истени* / стена, *женик* / жених), грамматически встраивающиеся в шорский контекст.

При использовании глаголов и прилагательных наблюдается интерференция:

А постарының жениктери андоқ. Малосильныйлер алыптар полпартыр. / А их женихи там же. Малосильными алынами были, оказывается.

Мында ноолары сватать эткен алыптар тоже қадарчар. / Здесь эти посватавшиеся алыны тоже ждут.

Присутствуют в тексте служебные русские слова: а, тоже, должны, неужели, только, посмотрим.

Посмотрим, – тедир Кара Мөке / Посмотрим, – сказал Кара Меке.

Самый наглядный пример шорско-русского взаимопроникновения дает начальная характеристика богатыря, в которой эпическая формула «пеший алып» заменена обычной разговорной фразой. *Кара Мөке – алып. Только ол атпа чөрбенча. / Кара Меке – алып. Только он на коне не ездит.*

Богатырь обут в валенки – русские «*чосанқа қатынқабә*» / чёсанки-катанки.

В параллельных формульных повторах описания внешнего вида *алыпа* Кара Меке используются взаимозаменяемые шорское и русское слова:

Тоғузон қойдын терезинин, тон³⁵ тиктирбалган / Из шкур девяноста овец шубу сшил.

³⁵ Тон – шорское наименование шубы.

Тогузон қойдын терезинин ыстрырган шубалағ / В шубе из шкур девяноста овец отправила.

Ремарки сказительницы по ходу действия с использованием русизмов близки разговорной речи:

Пирси стала, ноо, андығ простой, ноо, полбалды / Другая стала, ну, такой простой, ну, стала. Эй, мен аны пропустила! / Эй, я это пропустила!

В тексте сказки угадываются и русские фразеологизмы, оформленные по-шорски:

Қыс паллары – қыс паллары / Девушки есть девушки.

По Қара Қаан мени чиш парчөр! – тедир. / Этот Кара Кан меня скоро совсем съест! – сказала.

При переводе мы сочли возможным дать в комментарии сравнение с русским фразеологизмом: «Этот Кара Кан меня поедом ест», – сказала.

В некоторых шорских сказках подобные образные русские выражения переведены самим сказителем в шорскую речевую форму:

Күл столба чилеп тура парды / пыль столбом стоит;

Кере тогулуп, турбустулар / Как вкопанные, встали [Охотник Панюгеш]

Традиционные зачины и концовки сказок, стилистические приемы оформления речи близки русским. *В общем, Қанза Пег – пистиң тадар қааны полған / В общем, Қанза Пег наш шорский хан был; Ылар, аша, амда чатчалар / Они, может, до сих пор живут; Всё!*

Пир чыл полубуста – пир муң толой. Ийги чыл полубысты – ийги муң түгенде. Ыш муң полусқаны – ыш муң толой. / Год прошел – одна тысяча долой. Два года прошло – две тысячи уткло. Третий год наступил – три тысячи долой [Шаманы].

Приведенные примеры дают основание сделать вывод о том, что под влиянием иноязычной устно-поэтической системы, элементы которой все глубже проникают в фольклор, идет русификация сказительской традиции шорцев.

Как правило, информанты готовы вступать в контакт с записывающим, рассуждать по ходу действия, комментировать события. Эти «авторские отступления» сказителя тоже введены в текст. Нужно учитывать, что рассказчик хочет соответствовать ожиданиям собирателя и включить в свою речь больше русских слов. Однако во всех подобных случаях также наблюдается смешение языковых кодов, что свойственно современным шорцам, носителям языка, при общении. *В любой эмге кирзаң, сени всегда пустят. А пашқа чердиң индиг чоқ, через сельсовет./ В любой дом зайдешь, тебя всегда пустят. А в другом месте такого нет, через сельсовет. [Шаманы].*

Вкрапление речевых элементов одного языка в другой отвечает потребности взаимодополнительности, способствует межэтнической интеграции, но одностороннее вторжение русизмов в речь шорцев, в произведения устной народной культуры может привести к разрушению самой системы языка, о чем уже предупреждают этнолингвисты.

Поэтому публикация образцов фольклора позволяет сохранить их во времени, зафиксировать живое движение фольклорной традиции, которая, видоизменяясь под натиском ассимиляционных процессов, еще жива у народов Сибири и Дальнего Востока.

Литература

- [Дыренкова Н.] Шорский фольклор / Зап., пер., вступ. ст., примеч. Н.П. Дыренковой. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – 448 с.
- [Коган М.] Проблемы двуязычия в многонациональной среде / Музей антропологии и этнографии РАН (Кунсткамера). / Отв. ред. М.Э. Коган. – СПб, 1995. – 104 с.
- [Пивнева Е., Функ Д.] Народы Севера и Сибири в постсоветских трансформациях. / Отв. редакторы Е.А. Пивнева, Д.А. Функ. – М.: Наука, 2005. – 215 с.
- [Чудояков А.] Шорские героические сказания. Кан-Перген. Алтын-Сырык / Вступ. ст., подгот. поэтического текста, пер., коммент. А.И. Чудоякова; музыковедческая ст. и подгот. нотного текста Р.Б. Назаренко. – Москва, Новосибирск: Наука, 1998. – 463 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока, Т. 17)
- Майоров А.П. Социальные аспекты взаимодействия языков в билингвистическом коммуникативном пространстве. – Уфа, 1997. – 137 с.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Перевод с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – М.: Прогресс, 1986. – Т. II. – 671 с.